

КОММЕНТАРИЙ ПАСТЫРСКОГО ПСИХОЛОГА: ПРАВОСЛАВНОЕ ПОНИМАНИЕ ПАСТЫРСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Д. ЖАКЕ*

Ознакомившись с этим случаем, мы в первую очередь понимаем, что Теда, наконец, встретился с терапевтом, у которого все в порядке с терапевтическими границами, который настроен говорить о фантазиях Теда, не отменяя их как нечто полностью иллюзорное и несущественное, но и не полагаясь всецело на антипсихотики, чтобы избавиться от них. Пребывая с клиентом как внимающее и целительное присутствие, терапевт, в то же время, адресует ему следующее сообщение: «Я буду здесь, я – терапевт, ты – клиент». Это новый и важный опыт для Теда, учитывая его предыдущее общение с терапевтами, когда в одном случае им занимались слишком уж плотно, а в другом – недостаточно плотно. По-видимому, для Теда близость равна сексуальной близости, и он борется с собственным образом «я» (self-image), с собственной половой идентичностью и с сильнейшей тоской по мужскому общению в своей жизни.

Первый шаг к реальной помощи своему клиенту терапевт сделал тогда, когда с первой же встречи начал с уверенности, что фантазия – это проблема. Очень важно для терапевта заложить некоторый фундамент, который позволит клиенту обращаться к нему с тем, что он действительно переживает, не опасаясь, что он будет унижен или подвергнут моральному осуждению. Терапевт создает атмосферу поддержки, которая не должна развеиваться и исчезать, пока клиент идет к пониманию, собирает силы и средства для перестройки своих мыслей и признания своих чувств. Терапевт обращается к целостной личности Теда и, как пастырский консультант, призван на время быть Церковью для своего клиента, в то же время стараясь выполнить роль моста между клиентом и Церковью.

---

* *Деметра Жакет* (Demetra Jaquet) – кандидат богословия, пастырский консультант, директор Центра пастырского консультирования в г. Денвер, штат Колорадо, преподаватель университета Regis в г. Денвер.

Отношения между Тедом и терапевтом, в какой-то мере, сами являются целительным средством. Терапевт говорит: «Давайте об этом побеседуем», почти как духовный отец, протягивая своему пациенту руку, чтобы сопроводить его в духовном развитии. В то же время он служит для Теда образцом здоровой самодисциплины и допустимых границ эмоциональной близости, а также показывает пример неэгоистичных, нацеленных на поддержку намерений внутри однополюх отношений.

Пастырское консультирование является уникальным служением междисциплинарного характера, которое требует тонкого восприятия клиники и, в то же время, осведомленности в духовных вопросах. Пастырские консультанты обычно имеют и богословское, и психологическое образование, и признают целительное присутствие Духа Святого как главного действующего лица в терапевтическом пространстве. Православный пастырский консультант понимает присутствие Духа как милосердный отклик на человеческую нужду, как нечто, способное направить клиента, который согласен взять на себя обязательство синергичного участия в процессе спасения, к излечению и души, и тела.

Случай отсылает к православному пониманию *помыслов*. Должно быть, полезно дать краткое определение на этот счет. Митрополит Иерофей Влахос, в своей книге «Православная духовность», определяет душевно-плотского человека как «существо недуховное, лишенное Духа Святого» (*Hierotheos Vlachos, archim., 1994*). Он определяет помыслы как «мысли, которые связаны с образами, а также с различными побуждениями, возникающими от ощущений и воображения. Они называются помыслами, потому что действуют в уме, в области мысли. Мысли созданы, чтобы быть естественно обращенными к Богу Логосу, но некоторые, взамен этого, могут устремляться к греху. Разум, желание и воля отворачиваются от Бога на что-то другое и становятся страстью или тем, что психология может упоминать как *фиксацию*» (*там же, с.56*).

Митрополит Влахос описывает три стадии духовного выздоровления человека – это, во-первых, очищение сердца от страстей (*praxis*) для того, чтобы подготовить его к просвещению (*theoria*) – второй стадии, которая есть ни что иное, как видение Бога (*там же, с.59-60*). *Theoria* может прийти как дар Духа Святого, когда воля открывает сердце и отдает его во власть благодати Его целительного присутствия и действия. Процесс соучастия в этой благодати Божией есть третья стадия, называемая обожение (*theosis*), становление по благодати тем, что Бог есть по природе (*там же, с.56-57*).

Соучастие в Божией благодати и получение исцеления Христова происходит через участие в Таинствах и аскетическую практику. Через Таин-

ства сердце получает нетварную благодать и Божественную энергию. В Таинствах в нас переливается животворящий Дух Святой, чтобы лишить силы болезнь греха, исцелить и возвратить наши сердца к Богу (*там же*, с.66). Аскетическая практика укрепляет нас посредством лекарства веры и врачевания дисциплиной. Очищение сердца включает три способности человеческой души: мыслительную способность, выражающуюся в интеллекте, разуме; вожделевательную способность, выражающуюся в желании, вожделении; и раздражительную способность, выражающуюся в воле. Все три способности, функционируя в соответствии со своей сотворенной Богом природой, обращены к Богу. Разум ищет Бога, желание стремится к Богу, а воля должна делать все, чтобы было достигнуто это общение и соединение с Богом (*там же*, с.63).

...Святые Отцы определенно подчеркивали, что сердце может быть очищено от помыслов. Освобождение начинается с покаяния в них. Когда все подобные помыслы изгнаны, и сердце очищено, человек становится в большей степени способным к общению, более уравновешенным, более адекватно ведет себя среди других людей, так как эгоистическая любовь к себе не довлеет больше в сердце над любовью к Богу и к человеку. Только Христос, истинный Врачеватель внутреннего человека, способен в таком случае излечить человеческое естество, исцелить душу и украсить ее покровом Своей благодати. Что врачует в первую очередь и более всего – это человеческое сердце. Здесь мы видим резкое расхождение между Церковью и секулярной психологией. Пастырское консультирование клинически реалистично и духовно опытно в понимании собственных возможностей и ограничений в том, чтобы, подобно Иоанну Крестителю, сделать прямым путь Господу и его таинственному врачеванию.

В ряде направлений секулярной терапии предлагаются стратегии, разделяющие идею ухода от негативных мыслей, но при этом не затрагиваются духовные глубины, пораженные этими мыслями. Когнитивная терапия могла бы сказать, что мысли Теда поражают/заражают его эмоции и поведение, и предложила бы некоторые техники остановки мыслей. В сотрудничестве с терапевтом Тед мог бы разработать альтернативный сценарий, который носил бы в кармане или выучил наизусть, и прерывать с его помощью подобные мысли. Рационально-эмотивная терапия могла бы предположить, в качестве полезного шага, отвлечь Теда на какую-то другую, более гармоничную мысль. Системный семейный подход мог бы пойти навстречу голосам и попытаться иметь с ними дело как с частью единого организма, обращаясь с ними с любовью, почти как Христос обращается с нами, грешными, и способствуя внутреннему диа-

логу для обретения нового видения. Чисто медицинские подходы могли бы совсем обесценить идею помыслов, рассматривая их как галлюцинозные симптомы заболевания, но никогда не беря в расчет их способность увлекать сердце прочь от Бога. Ни один из этих подходов, однако, не обращается к Божией власти и силе для исцеления души. И здесь возникает закономерный вопрос: чем же именно терапевт заменяет старые фантазии? Если помыслы отсечены, что послужит Теде их замещением?

Пастырское консультирование как дисциплина возникло в контексте и культуре Западного христианства. В своей последней книге «Надежда в пастырском попечении и консультировании» пастырский консультант Andrew Lester убедительно показывает, что пастырское богословие (так же как социальные науки и науки о поведении) не обращало деятельного внимания на главную причину человеческого страдания, которую он определяет как отсутствие надежды, чувство того, что не на что уповать в будущем, которое приводит к отчаянию. Он утверждает, что «пастырское богословие в лучшем случае позволяет взаимную критику между знанием, порожденным человеческими науками, с одной стороны, и мудростью христианской традиции, основанной на библейском, историческом, этическом, философском и систематическом богословии, с другой стороны» (Lester, 1995, с.6). Очевидно, для православных христиан эта модель не покажется подходящим средством для излечения Теда, поскольку то, что она предлагает, опять же принадлежит интеллектуальной области, области человеческого рассудка.

Казалось бы, техника замещения может оказаться полезной для душепопечения, если процесс – для того чтобы обеспечить сдерживание – направляет Теда к некому религиозному структурированию жизни – чтению молитвенного правила, регулярному изучению Священного Писания, чтению святоотеческой литературы. Но опять, хорошо начавшись, все это ни к чему не приводит, ибо чисто структурный подход к тому, чтобы исключить оскверняющее присутствие помыслов в сердце, не соответствует духовным основам Православия. Опыт личного общения со Христом, который эти структурные моменты могли бы лишь стимулировать, – вот что способно принести исцеление.

Для православных христиан, тем, что заместит собою фиксации, и что будет преображать сердце Теда, является жизнь Церкви. Главная роль отдается регулярному участию в Евхаристии и молитвам Церкви об исцелении. Небольшие шаги в самодисциплине, постоянное упражнение в которой происходит в процессе участия в таинственной и молитвенной жизни Церкви, могли бы постепенно развить мускулы его воли. А молитвенная поддержка других людей, так же как их доброжелательное отно-

шение, могли бы только помочь ему. Но Тед закрыт со всех сторон броней помыслов, которые вырываются из него наружу посредством его «голосов».

Приступая к плану лечения, терапевт должен знать, к чему он стремится. Помогая Теду сместить фокус внимания с его фиксаций, пастырское консультирование ставит целью не лечение само по себе, но лечение в Боге. Если конечным пунктом является Бог, то использование мирских средств может быть чрезвычайно полезным. Однако, для Православия лечение в Боге – это еще не все, хотя и прекрасное начало. Исцеляясь, человек становится «с» Богом, и, в конечном итоге, у него отпадает нужда в мирских, секулярных средствах.

Роль страдания

Мало того, что и так вся жизнь Теда шла кувырком, печаль и тревога его, вероятно, усилились после того, как у него обнаружили рак. Печаль принадлежит разбитому сердцу, но не больному мозгу. Попытки исцелить сердце с помощью головы могут начать процесс, но, в конечном итоге, скорее всего, провалятся, потому что голова – неподходящее средство для этой цели. Здесь дело касается утраты доверия и последствий, которые это имеет для людей. Когда больше нет доверия, люди рационально могут решить, что просто надо жить дальше, но обнаруживают, что не хотят ни с кем вступать в близкие отношения, потому что боятся, что их бросят. Такая изоляция ведет к дальнейшему углублению недоверия и усилению тревоги.

При каких-нибудь угрожающих жизни обстоятельствах происходит потеря веры в неизменность вещей, возникает страх неизвестного, и кризис может давать неотступное ощущение необходимости помнить о грядущей потере и даже ее избегать. Психология и науки о поведении могут работать с преждевременным переживанием несчастья, уподобляясь граблям или мотыге, помогающим расчищать от обломков развалины жизни клиента. Дух Святой может идти дальше, часто используя преждевременное страдание в качестве плуга для превращения окаменевшего сердца в подходящую почву, которая сможет принять семена для нового возрастания во Христе и должна быть, затем, полита слезами искреннего раскаяния.

Терапия стремится к восстановлению, полноте и завершенности, преодолевая избегание и изоляцию. Незавершенное переживание несчастья порождает сверхбдительное оберегание себя от любой эмоциональной боли и нежелание создавать новые связи, так как был опыт конфликта в прошлых отношениях. Доверяет ли Тед кому-нибудь? Может быть, како-

му-нибудь из своих голосов? И кому доверяют его голоса? Будет ли он способен довериться терапевту в том, чтобы тот повел его к реализации преобразующего потенциала этого жизненного кризиса?

Люди часто борются с неразрешенными чувствами, перенося свои эмоции в другие сферы. В нашем случае возможно предположение, что голоса несут на себе отщепленные эмоции Теда. Выздоровление фиксируется как некий момент в процессе переживания горя, когда человек весь целиком способен участвовать в новых отношениях. Может быть, часть терапии должна заключаться в том, чтобы добиться какого-нибудь контакта между этими голосами и Богом внутри Теда? Может, их следует изгнать, или их вкусы должны быть перевоспитаны, а они сами обращены на путь истинный? Чтобы вступить в новые отношения и со своими голосами, и со своим Богом, Теду необходимо будет обрести новые полезные навыки, отучившись от старых и постепенно их заместив. Но, что важнее всего, он должен будет научиться доверять Богу и возлагать свои упования на Него.

Проживание горя можно рассматривать как процесс постепенного отмирания себялюбия, привычки придавать себе особую важность. Это духовная проблема. Чувство собственной ценности должно быть присуще человеку как основание для здоровой жизни, однако, оно может стать препятствием для жизни во Христе. Мир учит нас приобретать, а не терять. Мы привыкли по мере возможности укреплять нашу самооценку, а не умалять важность самих себя ради других. Человеческая персона осуществляет себя в качестве центра мира. Мы рассматриваем потерю и уменьшение как причину несчастья. Таким образом, возникает вопрос: есть ли проблема Теда только психологическая, или она уходит куда-то глубже? Можно ли вылечить Теда одним психологическим реструктурированием, или он должен был бы, в действительности, уповать на исцеление души? Результат и прогресс в работе с переживанием горя измеряется в особенностях поведения, установках. Но когда нам удается подняться над призрачной стороной жизни и увидеть истинную природу прогресса, мы обнаруживаем, что он измеряется способностью человеческого сердца любить.

О демонах и сексуальности

Изгнание демона связано, по Писанию, со знанием имени определенного духа. Если вы знаете чье-то имя, вы обладаете властью. Бог поручил Адаму дать имена животным, и, тем самым, дал ему власть управлять ими (Быт 2:19-20). Бог открыл Моисею свое имя, другое, чем то, каким обладаем мы, он ответил ему: «Я есмь Сущий» (Исх 3:14). В Евангелии от Марка Господь изгоняет злых духов, которые открывают Ему свое имя,

«Легион», признавая в Нем господствующего над ними (Мк 5:9-12). Мы можем знать что-то интуитивно, но называя, определяя его, мы получаем над ним власть. Умение объективировать, избегая отождествления, поглощения и даже одержания духами, должно начинаться для человека с названия их. Источники и голоса садомазохистских фантазий Теда требуют рационального и, наверное, интуитивного обнаружения их имен, их намерений, их целей, их страхов, их задач, того, что ими владеет. Как далеко эти самопроизвольные голоса заходят в своих намерениях уклоняться от Бога? Насколько они сильны в том, чтобы контролировать естественную склонность Теда свободно подчинять свою волю тому, чтобы следовать Богу? Как и когда его здоровые сексуальные желания были извращены помыслами? Отвечая на эти вопросы, необходимо принять в расчет всю сложную историю взаимодействия в Церкви между двумя способами обращения с человеческой сексуальностью – безбрачием и браком – а также рассказы Теда о его собственном сексуальном опыте и то, что из них следует о значении этого опыта.

Спрашивал ли кто-нибудь Теда о чувствах, которые он испытывал, когда мать наряжала его как девочку, или о его мучительных воспоминаниях о физическом контакте с отцом? Мы учимся жить у своих родителей, но это не означает, что то, чему нас научили, правильно. Называл ли когда-нибудь Тед словами, что он чувствует, что родители его предали? Что он испытывает по поводу своих гомосексуальных склонностей? Активен ли он в сексуальных отношениях? Раскаивается ли он от всего сердца или просто ищет какого-то облегчения? Пастырский консультант мог бы попросить его описать собственные реакции как физический образ и научил бы просить помощи Духа Святого, до тех пор, пока не удастся мысленно изгнать этот образ. Православный пастырский консультант мог бы помочь Теду обозначить словами – именовать – власть и подлинную сущность тех духов, с которыми он борется, а также духовный путь жизни и молитвы, который способен лишить их силы и окончательно изгнать.

Каким образом можно было бы переработать и продуктивно использовать на благо терапевтического процесса сексуальные фантазии Теда по отношению к терапевту? Как можно найти что-либо доброе в сексуальных фантазиях, что-либо устремленное к Богу? Традиционно, Православие не дает нам здесь никакого способа. Ответ, который является частью холистического духовного делания, рекомендованного Святыми Отцами, в особенности монахами-аскетами, состоит в отсечении фантазий посредством аскетической практики. Я сомневаюсь в существовании какой-либо артикулированной святоотеческой практики «рефрейминга» с

целью выявления эмоциональных первопричин и потребностей, которым они служат. Как представляется, в свято-отеческом толковании помыслов негативная или деструктивная мысль принципиально отлична от Богоцентрированной мысли тем, что она подпала под власть того искажения истины, которое принадлежит Лукавому. И психология, и духовная практика стремятся освободить человека от деструктивных энергий. Эти две дисциплины не исключают друг друга, но каждая обладает своими особыми средствами.

Пастырский консультант мог бы попробовать здесь другой подход, чем «отсечение», который держал бы предмет сексуальных фантазий в центре внимания, в то же время помогая клиенту посредством определенных техник справиться с его властью над ним. Это могло бы помочь Теду понять связь его голосов со специфическими потребностями того голоса, который пытается всячески сдерживать и контролировать его терапевта, используя те приемы, которые прежде срабатывали, сбивая предыдущих терапевтов Теда.

В зависимости от вероятности и тяжести диагноза множественной личности, терапевт мог бы попробовать прислушаться и заняться по-настоящему голосами, каждый из которых отчаянно рвется заявить о себе в своей амбивалентности – между тем, чтобы выразить стремление к близости с другими людьми и, в конечном итоге, с Богом видимостью контроля, посредством садомазохистских форм взаимодействия, и стыдом, стоящим за этим.

Если фантазии были первоначально порождены самим Тедом, а позже зажили, как он утверждает, «собственной жизнью», то здесь можно было бы применить рефрейминг, чтобы использовать это как позитивную проективную технику, которой клиент определенно уже владеет. Беда здесь в том, что он не может направить технику на благие цели, с его неспособностью контролировать технику, прибранную к рукам Лукавым, и в отсутствие знаний и опыта в том, чтобы управлять применением этой техники.

Врывать себя из-под бомбардировки повседневными мыслями с помощью внутреннего обращения к Иисусовой молитве – вот в чем заключается «техника», в общих чертах обрисованная в «Откровенных рассказах странника» (1978, с.78). Православные христиане верят в силу имени Иисуса Христа. Пастырский консультант может подтолкнуть Теда к тому, чтобы он научился полагаться на эту силу, упражняясь в Иисусовой молитве, или заучивая и повторяя на память отрывки из Священного Писания. Чтение псалмов, пост или любые, пусть небольшие, но постоянные упражнения, также могли бы помочь Теду развить волевую способность

направлять свой разум, чувства и поведение к постоянной памяти Божьей. Вопрос о способности отвечать за себя, вероятно, встал бы здесь с самого начала, и твердая, но заботливая рука терапевта, а также полученные новых сведений были бы очень важны.

Обряд и символ

Обряды и символы Священного Писания, Литургии и Таинств Церкви есть врата к исцелению, задающие форму и направление душе и, в то же время, призывающие Святого Духа придти и взять весь процесс в Свои руки. Если терапевтические приемы укоренены в сознании присутствия и действия Духа Святого, если всем сердцем и волей человек посвящает их этой цели, то они могут быть преобразованы в нечто большее, чем «приемы», «техника», и способны стать обрядовым действием в полном смысле того, как это понимается в Православии. Если обряды, символы, литургическое действие, подобно иконам, есть окна в Царствие Божие, это теснейшим образом связано с тем, что они несут в себе молитвенную энергию, намерение и устремление сообщества христиан.

Лишенные этого, они вполне могут превратиться в пустую бессмыслицу врат адовых. Каждый из нас должен стремиться к постоянному бодрствованию и пресекать в зародыше помыслы, которые могут иначе дать всходы и срастись с тем добрым, которое Бог насаждает в наших сердцах. Здесь терапевт действует как духовный отец, направляя клиента своим опытом и примером по наиболее прямому пути к Богу.

Молитву перед иконами называют разновидностью богословствования, и в то же время ее можно сравнить с проективной техникой: икона имеет свое содержание, но говорит со мной в соответствии с тем, что я привношу в нее. Однако, если мы отдаем «технику» под покров Духа Святого, то тогда это позволяет молитве перед иконами перенести нас на глубочайшие уровни духовной реальности. Демоны, атакующие нашего клиента, будь они выдуманные или же настоящие, напротив, уводят его прочь от реальности Бога, по ту сторону все расширяющейся пропасти. Если икона начинает с ним говорить, ему следует применить верный и испытанный способ проверки духов – произнести имя Христа и этим именем приказать ему выйти. Обычно это сопровождается усердным и многократным повторением Иисусовой молитвы с полным сосредоточением на ней. Известны рассказы св. Антония о настоящих физических, телесных сражениях с силами зла. Хотя его столкновения с ними происходили в завершение целой жизни духовной борьбы, все же возможно для клиента, не столь искушенного в молитве, испытывать некий физический отклик своей дружбы с фантазиями или духами зла.

Одна из проблем, которую я испытывала с подобными пациентами, заключается в том, что их понимание молитвы часто столь же сильно затруднено, как и их способность свободно откликаться на Божий призыв. Поначалу, долгое время, молитва кажется чем-то механическим, безотрадным, лишенным внутреннего эмоционального отклика и омраченным постоянным беспокойством о том, «правильно ли я это делаю». Но если молитва «предписывается» терапевтом с той же степенью регулярности и строгости соблюдения, которая предполагается при приеме химических препаратов, то достигнутая степень организации, в конце концов, дает умиротворяющий эффект, растущее ощущение способности самому управлять собственными фантазиями и контролировать разрушительное свойство страстей при любом случае тянуть нас обратно в болото. Более глубокая личная связь со Христом может образоваться позже, в соответствии с потребностью этого человека и действием Духа Святого. Обряд также является разновидностью богословствования. Здесь формальное поведение призывает реальность Царствия Божиего – посредством Духа Святого – явить свое присутствие и свое действие среди участвующего в богослужении церковного сообщества.

Божественная Литургия, Евхаристия, Молитвы Часов – все они включают в себя ритуальные жесты и позы, которые призваны не просто к символической передаче определенных смыслов, но, что более важно, к тому, чтобы приводить глубочайшие уровни нашего существа в соприкосновение с Божественным Присутствием. Точно так же, притчи Священного Писания есть словесные жесты, переносящие человека из одной реальности в другую: «Царствие Божие подобно ...» и т.д. А толкование Писания святыми отцами дает дополнительную возможность перейти от буквального понимания к бесконечно углубляющемуся духовному пониманию – пониманию духа Мудрости как открывающегося в Писании и через Писание хлеба жизни.

Обряд, являясь вратами в духовный мир, несет в себе возможность преображения. Повторяющееся и стилизованное по одному образцу действие, когда оно совершается в контексте сообщества, в особенности молитвенного сообщества, не только ведет нас за собой к большему пониманию, чем мы способны достичь сами, но также показывает ориентиры на этом пути. Духовная жизнь и молитва в общине дают и то ощущение принятия и принадлежности, которое люди должны испытывать, чтобы открыться Божьей любви. Православный обряд не просто символизирует другую реальность, он действительно открывает двери и приглашает нас участвовать в ней.

Наверное, пастырское попечение в случае Теда могло бы включать в себя предложение попробовать петь, читать, декламировать церковные тексты, т.е. предпринимать повторяющееся обрядовое действие, или, еще лучше, начать понемногу поститься, взойдя, таким образом, на первую ступень аскетической духовной лестницы. Конечно, борьба за то, чтобы не позволить фантазиям свободно царить, а в конечном итоге и за то, чтобы не дать им спонтанно вторгаться в его сознание без попытки с его стороны сдерживать их усилием воли, – есть нечто фундаментальное в контексте его долгосрочной цели быть в достаточной мере начеку, чтобы предотвращать господство фантазий над собой.

Терапевт дал Теду пространство для дальнейшего движения и развития, даже если Тед пока еще не покончил со своими фантазиями. Терапевт не совершал хирургической операции. То, что является страстью для Теда, не было отсечено. Но как духовный отец, терапевт помогает Теду научиться использовать собственные желания и стремления на благо того, что является для него здоровым. Он показал ему цель и подлинное благо чистой и трезвенной жизни ума и, в то же время с сочувствием и тактом поощрял к тому, чтобы Тед шаг за шагом и день за днем ослаблял свою зависимость от фантазий. Тед получил руководство и начальные навыки в практике низведения ума в сердце, в том, как сохранять бдительность к его загрязнению жаждущими добычи страстями.

...Логос обитает в любом человеке, и связь его с Богом остается, даже если он переполнен фантазиями и страхами. Очевидность этого бесспорна уже с того момента, как Тед явился в кабинет терапевта, продолжая искать помощи, чтобы избавиться от фантазий и от своей зависимости от них, которую он осознавал. Тед, может быть, смутно, но все-таки понимал истинное значение любви-агапэ как вольного самоотречения ради других и эроса в его качестве влечения к доброму, и это смутное ощущение было причиной того, что он не отказался от идеи терапии, невзирая на риск нарушить свой статус кво и на прошлый опыт, в котором его использовали.

Призывание Духа Святого присутствовать рядом и являть свое действие в отношениях между клиентом и терапевтом есть основная опора пастырского консультирования. Для православных, однако, фокус, скорее, смещен к присутствию Духа Святого в душе или сердце клиента. Внутренние отношения Святой Троицы есть основа для всех отношений, модель устройства человеческого общества и надежный оплот против вторжения в сердце нездоровых страстей. ...Ясно, что Тед должен трудиться над изменением своего поведения. Психологические и поведенческие модели социальных наук, соединенные с богословскими пред-

ставлениями для придания смысла, будут работать на очищение внешней стороны чаши. Но настоящего изменения не произойдет, если сердце, откуда исходят все побуждения, также не будет очищено. Подходящее сочетание социальных, поведенческих и психологических техник, пусть нередко и эффективных, иногда все же не помогает, даже если под них подведен богословский фундамент. Православные христиане считают необходимым полное преобразование души, которое требует полноты православных Таинств, молитвы и жизни в духе для очищения сердца от помыслов.

Заключительные вопросы

С точки зрения пастырского консультирования необходимо было бы прояснить следующие вопросы, которые в описании случая нераскрыты:

– Какой деноминации или церковной конгрегации принадлежит Тед? Согласен ли он с полученными там представлениями о Боге, а также определениями того, что составляет благочестивую жизнь? Что влечет его в церковь?

– Верит ли Тед, что Дух Святой обитает в нем, или он видит себя полностью лишенным всего доброго? Как он представляет себе Бога? Нет ли здесь идолопоклонства, адресованного безразличному Богу, который не защищал его, не отвечал на его молитвы, когда он был маленьким?

Ответы на эти и связанные с ними вопросы могут внести ясность относительно ряда решающих факторов: как видит себя Тед в отношении к Богу; какова природа его личного опыта отношений с Богом, а также его церковного опыта; какие духовные средства ему лучшего всего использовать, чтобы восстановить равновесие в своей жизни и некоторый самоконтроль; и, в конечном счете, доверяет ли он Богу?

– Есть ли у Теда другие фантазии, чем те, о которых шла речь? Являются ли они психотическими в чистом виде или могут вытекать из его гомосексуальных наклонностей? Здесь полезно было бы отзеркалить какие-то из его пояснений и вместе подумать над тем, что «О, может быть, ты гомосексуалист?», а потом посмотреть, что из этого следует. С другой стороны, не подтолкнет ли его это в неправильном направлении? Только знание и духовная пронизательность могут ответить на эти вопросы. Чем для Теда является творческое напряжение между прощением с чем-то и движением к новому, совершенно другому? Ответы на эти вопросы для каждого клиента единственны и уникальны в своем роде, как уникален его жизненный опыт.

– Что нам еще известно о родителях Теда? Не было ли еще каких-нибудь сексуальных злоупотреблений по отношению к нему? В какой сте-

пени он способен опознавать и признавать оскорбительное обращение в прошлом?

– Можно ли здесь дополнительно диагностировать эго-дистонный гомосексуализм? Какова природа фантазий Теда относительно терапевта? Насколько они не похожи на другие фантазии? Какие моменты контрпереноса следовало бы упомянуть? Кто прописывает Теду антипсихотические препараты? Какого рода поддержку или обслуживание Тед получает от этого человека? Играет ли это роль дополнения к той работе, которую делает терапевт, или они конфликтуют?

* * *

Пастырское консультирование и духовная жизнь во Христе стремятся к одному и тому же – исцелить человека, возвращая ему надежду. Но старая психология, а также многие современные гуманистические направления психологии не применимы для исцеления всего человека, включая его душу, потому что в них безусловным центром осуществления выбора и развития является человеческая персона, а иногда даже и человек-терапевт рассматривается как источник надежды. Секулярную психологию прошлого интересовала, в первую очередь, ремиссия болезни или избавление от симптомов. И психология, и Церковь имеют дело с симптомами, и обе могут использовать когнитивные и поведенческие методики в качестве средств борьбы с навязчивыми, негативными, само-деструктивными мыслями и формами поведения.

И все же есть разница между гуманистической психологией, западным пастырским консультированием и психологией Церкви. Отличие заключается в понимании цели и назначения жизни как осуществления подлинного «Я» через открытие Царствия Божиего внутри нас и вхождение в радость, которую может дать только надежда на Божию милость. Тем не менее, рост в последнее время различных новейших направлений психологии начинает постепенно сужать пропасть. В первую очередь, здесь следует вспомнить психосинтез Роберто Ассаджиоли. В этой модели источник мудрости и целительной энергии помещен за пределами психологического, социального «я» и связан интуитивно с глубочайшими областями души человека.

Взятые сами по себе техники имеют тенденцию уводить человека в сторону секулярной, гуманистической, медицинской модели. Но пастырские консультанты уверены, что простое «как, каким образом?» не способно излечивать. Оно может ослабить пути, но недостаточно для исцеления ко спасению, потому что зависит полностью от энергии лишь самого клиента. Христиане, кроме того, ведут борьбу на два фронта: внешняя

борьба состоит из ухода от мирской суеты и рассеяния; внутренняя – есть отвращение от тяготения к злу внутри. Сила принять ту и другую борьбу даруется христианам милостью Божьей. Но православные христиане придают большое значение внутреннему аскетическому подвигу не по причинам терапевтическим или же познавательным, но потому что он является частью внутреннего молитвенного пути беспрестанного сведения ума в сердце. В очищении сердца христиане вновь познают, что такое доверие и надежда, возлагая их целиком на Бога, соединяя себя совершенно с Божественной любовью и, в конечном счете, преображая жизнь в постоянную память и свидетельство того Нетварного Света, Который знает каждого из нас по имени и заботится Своей милостью о нашем спасении. «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр 3:20) – вот упование и молитва православного пастырского консультанта за Теда, за себя самого и за весь мир.

ЛИТЕРАТУРА

- Anonymous*. The Way of the Pilgrim, trans.Helen Bacovin. – New York:Image Books, 1978.
- Hierotheos Vlachos, archim.* Orthodox Spirituality:A Brief Introduction, trans.Effie Mavromichali. – Levadia, Greece:Birth of the Theotokos Monastery, 1994.
- Lester Andrew D.* Hope in Pastoral Care and Counseling. – Louisville, KY:Westminster John Knox Press, 1995.